

САРА МАКЛЕЙН

ДЕВЯТЬ ПРАВИЛ
СОБЛАЗНЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Sarah Maclean
NINE RULES TO BREAK WHEN
ROMANCING A RAKE

Перевод с английского *Т. Дмитриевой*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Маклейн, Сара.

М15 Девять правил соблазнения : [роман] / Сара Маклейн ; [пер. с англ. Т. Дмитриевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-093067-8

Леди не курит сигарильи, не пьет виски, не ездит верхом по-мужски, не устраивает дуэлей.

Но главное — леди НИКОГДА не позволяет себя целовать никому, кроме жениха или мужа!

Кальпурния Хартуэлл всегда следовала этим правилам — и что в итоге? Она не замужем, мужчины не обращают на нее внимания!

В отчаянии девушка решает нарушить все правила, которым следовала раньше, — и тут же притягивает к себе самого отчаянного повесу лондонского света, знаменитого соблазнителя и покорителя женщин Гейбриела Сент-Джона, маркиза Ралстона...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093067-8

© Sarah Trabucchi, 2010
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Пролог

*Англия, Лондон
Апрель 1813 года*

Леди Кальпурния Хартуэлл, с трудом сдерживая слезы, едва ли не бегом покинула бальный зал Уортингтон-Хауса — сцену ее нынешнего и самого ужасного позора. В вечернем воздухе явно чувствовалось дыхание весны, но девушка не замечала его, торопливо сбегая по великолепным мраморным ступеням. Отчаяние заставляло ее ускорять шаг, подталкивая в густой полумрак большого старого сада. Только оказавшись в тени живой изгороди, девушка наконец почувствовала себя в безопасности и, глубоко вздохнув, замедлила шаг. Ее матушка страшно рассердится, когда узнает, что старшая дочь позволила себе выйти в вечерний сад без сопровождения, но ничто не могло удержать Калли в стенах этой огромной комнаты пыток.

Ее первый сезон, похоже, закончится полным провалом.

А ведь не прошло и месяца с момента ее первого появления в свете. Калли, старшая дочь графа и графини Аллендейл, казалось, была создана для этой жизни, для успеха в которой надлежало хорошо танцевать, обладать изящными манерами и быть красавицей. Но именно в последнем условии и заключалась проблема. Калли прекрасно танцевала, ее манеры казались безупречными, но можно ли было

назвать ее красавицей? Девушка абсолютно трезво оценивала свою внешность и не питала на этот счет особых иллюзий.

«Я знала, что все это закончится настоящей катастрофой», — думала она, обессиленно опускаясь на мраморную скамью, скрытую в зеленом лабиринте Уртингтона. Она три часа провела на этом балу, и ее ни разу не пригласил хотя бы мало-мальски перспективный кавалер. Дважды ее приглашали известные охотники за состояниями, один раз какой-то жуткий зануда, имени которого она даже не запомнила, и один раз старик баронет, которому, наверное, было никак не меньше семидесяти. В конце концов Калли уже не могла изображать радостное оживление и удовольствие, якобы получаемое от танцев и музыки. Было совершенно очевидно, что, невзирая на ее благородное происхождение, светское общество оценивало Калли исключительно как обладательницу солидного приданого. Однако даже этого оказалось недостаточно, чтобы дебютанткой заинтересовались те джентльмены, которые могли ей действительно понравиться. Приходилось признать, что большую часть сезона завидные молодые холостяки обходили Калли своим вниманием.

Она вздохнула.

Сегодняшний вечер показался ей настоящим кошмаром. Мало того что Калли пришлось танцевать с кем попало, так еще и сегодня вечером, казалось, все гости, кто исподтишка, а кто и открыто, разглядывали ее как какую-то диковинку.

«Нельзя было позволять матушке напяливать на меня это уродство», — пробормотала девушка себе под нос, в очередной раз окидывая взглядом свое платье — слишком зауженная и завышенная линия талии при чертовски маленьком лифе, в который едва втискивалась грудь, которая была гораздо крупнее, чем того требовала нынешняя мода. Калли была уверена, что ни одна красавица никогда не надела бы такое яркое, цвета жаркого заката, платье.

4 Это платье, как уверяла ее матушка, последний крик моды. Когда Калли высказала опасение, что

фасон не слишком подходит для ее фигуры, графиня довольно резко заметила, что она не права. «Ты будешь выглядеть потрясающе», — обещала матушка, пока модистка порхала вокруг девушки, втискивая ее в кричаще яркий наряд, и, наблюдая в большом зеркале за происходящими с ее фигурой трансформациями, Калли вынуждена была согласиться с ними. В этом платье она действительно выглядела потрясающе: потрясающе уродливо.

Защищаясь от вечернего холода, она крепко обхватила себя руками и обреченно закрыла глаза. «Я не могу вернуться. Мне придется навсегда остаться тут».

Из тени донесся тихий смешок, и Калли, испуганно ахнув, вскочила на ноги. Пытаясь унять сердцебиение, она быстро огляделась и в густом полумраке с трудом различила темный силуэт мужской фигуры.

— Не следует в темноте подкрадываться к людям. Джентльмены так не поступают.

Незнакомец не замедлил с ответом, и ее окутал низкий тембр его голоса:

— Приношу свои извинения. Впрочем, я мог бы сказать, что это вам не следует таиться в темноте. Дамы так не поступают.

— Вот здесь вы ошибаетесь. Я не таюсь в темноте, а скрываюсь. Это совершенно разные вещи.

— Я вас не выдам, — прошептал мужчина, словно читая ее мысли, и сделал шаг вперед. — Так что можете показаться — все равно вы оказались в настоящей ловушке.

Калли почувствовала спиной колючий кустарник живой изгороди, а незнакомец продолжал приближаться, и она поняла, что ее таинственный визави прав. Девушка горестно вздохнула. Неужели несчастья этого вечера не закончились? В этот момент мужчина шагнул в серебристый лунный свет, и стало ясно, что дела Калли совсем плохи.

Перед ней стоял печально известный маркиз Ралстон — убийственно красивый и дьявольски обаятельный лондонский повеса. С его безнравственной репутации

цией могла сравниться только его столь же безнравственная улыбка, которая сейчас предназначалась именно Калли.

— О нет, — прошептала она, не в силах сдержать прозвучавшее в ее голосе отчаяние. Она просто не может допустить, чтобы он ее увидел. Только не такой — затянутой, как рождественская индейка. Рождественская индейка цвета оранжевого заката.

— Так что же с вами произошло, юная леди?

Лениво-заботливый тон согрел Калли, хотя она и продолжала оглядываться в поисках путей отступления. Маркиз, будучи как минимум на шесть дюймов выше, загораживал собой все пространство, подойдя уже настолько близко, что она могла бы его коснуться. Впервые за долгое время девушка почувствовала себя маленькой. Даже крошечной.

— Я... я должна идти. Если меня застанут здесь... с вами...

Калли не закончила фразу. Маркиз и без того понимал, что случится.

— Кто вы? — Он прищурился в темноте, разглядывая нежные черты ее лица. — Подождите... — Она представила, как его глаза сверкнули узнаванием. — Вы ведь дочь сэра Аллендейла. Я заметил вас.

В ее ответных словах прозвучал печальный сарказм:

— Уверена, что заметили, милорд. Меня трудно не заметить. — Она тотчас прикрыла рот ладошкой, шокированная собственной смелостью.

Ралстон негромко хмыкнул.

— Да уж, ваше платье просто бросается в глаза.

Калли не смогла сдержать улыбки.

— Очень дипломатично, но согласитесь: я в нем слишком похожа на абрикос.

На этот раз маркиз рассмеялся в голос.

— Удачное сравнение. — Элегантным жестом он предложил девушке вновь занять место на скамье, и после некоторого колебания Калли села.

— Пожалуй, — ответила она и широко улыбнулась, удивляясь, что вовсе не чувствует неловкости.

Наоборот, Калли почувствовала себя свободнее. — Моя матушка... Ей отчаянно хочется нарядить свою дочь, как фарфоровую куколку. Печально, но я для этого совершенно не подхожу. И просто мечтаю о том, чтобы моя сестра начала выезжать, — тогда, надеюсь, графиня оставит меня в покое. Правда, сейчас сестренке только восемь.

Маркиз присел рядом с девушкой и, весело улыбнувшись, сказал:

— Да. Вам придется немного подождать.

— Это мягко сказано. — Она взглянула на усыпанное звездами небо. — К тому времени, когда состоится ее первый выезд, я буду считаться старой девой.

— Откуда такая уверенность, что вы засидитесь в девицах?

Калли, чуть нахмурившись, посмотрела на него.

— Я ценю ваше благородство, милорд, но это притворное недоумение оскорбительно для нас обоих. — Он не нашелся что ответить, Калли опустила взгляд на свои руки и произнесла: — Мой выбор весьма ограничен.

— Что вы имеете в виду?

— Похоже, среди претендентов на мою руку будут только разорившиеся шалопаи, престарелые ловеласы и убийственные зануды, — пояснила Калли, загибая пальцы по мере перечисления категорий возможных женихов.

Маркиз усмехнулся:

— В это трудно поверить.

— О, это правда. К сожалению, я не отношусь к числу тех молодых леди, на танец с которыми джентльмены занимают очередь. Это видно каждому, у кого есть глаза.

— У меня есть глаза. И ничего подобного я не вижу.

Его голос, нежный и мягкий как бархат, проникал прямо в душу, маркиз протянул руку и осторожно погладил девушку по щеке. Мощная теплая волна прокатилась по ее телу, и Калли непроизвольно задержала дыхание.

Не в силах противиться самой себе, она подалась навстречу его ласке, и мужчина приподнял пальцами ее подбородок.

— Как вас зовут, юная леди? — тихо спросил маркиз.

Калли поморщилась, зная, что за этим последует.

— Кальпурния.

Она вновь закрыла глаза, в очередной раз смутившись своего экстравагантного имени, — имени, которое могла дать своему ребенку только экзальтированная мамаша, сходявшая с ума от Шекспира.

— Кальпурния. — Он попробовал ее имя на язык. — Как жену Цезаря?

Калли покраснела еще больше и кивнула.

Маркиз улыбнулся:

— Смелое имя, ничего не скажешь.

— Ужасное имя.

— Чепуха. Кальпурния была императрицей Рима. Сильная, красивая, умная, гораздо умнее окружавших ее мужчин. Она видела будущее, выстояла перед обвинениями своего мужа. У тебя просто замечательная тезка.

С этими словами Ралстон ласково, но решительно приподнял ее подбородок.

Калли молчала, не зная, что ответить на его пылкую тираду, но он не ждал от нее ответа и потому продолжил:

— Мне пора уходить. А вы, леди Кальпурния, должны вернуться в бальный зал с высоко поднятой головой. Сможете?

Он еще раз легко вздернул ее подбородок и встал. Совершенно потрясенная, Калли тоже встала и кивнула, глядя на него сияющими глазами.

— Да, милорд.

— Вот и умница, — прошептал он, так низко склонившись над ней, что его дыхание шевелило волоски у нее на затылке и согревало в этот холодный апрельский вечер. — Помни: ты императрица. Держись как императрица, и окружающим придется видеть тебя такой. Я именно такой тебя и вижу. — Он помолчал, а Калли затаила дыхание, ожидая продолжения. — Ваше высочество.

С этими словами маркиз повернулся и моментально исчез в зеленом лабиринте, а Калли еще не-

сколько секунд стояла с недоуменно-мечтательной улыбкой на губах. Потом, словно опомнившись, она последовала за маркизом — так ей хотелось быть рядом с ним. В этот момент она готова была пойти за ним куда угодно. Последовать за этим принцем, появившимся среди простолюдинов, который заметил ее — не ее приданое и не ее ужасное платье, а ее!

«Если я императрица, то он единственный мужчина, достойный быть моим императором».

Ей не пришлось долго разыскивать его. После очередного поворота лабиринт вывел ее к большому сверкающему фонтану, украшенному фигурками херувимов. Возле него, купаясь в серебряном свете луны, стоял ее принц. Увидев его, Калли едва не задохнулась от восторга. Его фигура, широкоплечая и длинноногая, настолько четко вырисовывалась на фоне темного сада, словно сам он был высечен из великолепного мрамора.

И тут она заметила женщину, которую Ралстон обнимал, закрывая своей широкой спиной. Калли беззвучно ахнула, быстро прикрыв рот ладошкой. Широко раскрыв глаза, она смотрела на то, что открылось ее взору. За все свои семнадцать лет она никогда не видела ничего столь... прекрасно грешного.

В полумраке светлые волосы его возлюбленной, освещенные лишь слабым лунным сиянием, казались совершенно белыми, а платье представлялось сотканным из тончайшей паутины. Калли отступила в тень, но продолжала осторожно выглядывать из-за изгороди, отчасти сожалея о том, что последовала за маркизом, и в то же время совершенно не в силах отвести взгляд от обнимающейся пары. Боже, как они целовались!

Томление, возникшее глубоко внизу живота, сменилось медленно разгорающейся ревностью. Впервые в жизни ей до дрожи захотелось быть рядом с этим мужчиной. На мгновение Калли представила себе, что это она сейчас тает в его объятиях; это она своими изящными пальцами перебирает темные блестящие пряди его волос; это ее тело гладят

сильные мужские руки, и это ее стоны раздаются в ночном воздухе, когда он, целуя, слегка покусывает ее губы.

Затаив дыхание, Калли из своего укрытия смотрела на любовников, представляя, что это его рука касается ее тела, и чувствуя, как твердеет сосок под шелком платья.

— Ралстон...

Имя, произнесенное женщиной сквозь сдавленный стон, неожиданно громко разнеслось над лужайкой, вырвав Калли из грез. Очнувшись, она нервно отдернула руку от собственной груди и бросилась прочь от той сцены, невольной свидетельницей которой довелось стать. Она бежала по лабиринту, отчаянно желая выбросить из памяти все еще стоявшую перед глазами картину, и остановилась только тогда, когда вновь оказалась у мраморной скамьи, где началось ее ночное путешествие. Тяжело дыша, она опустилась на скамейку и постаралась успокоиться, мысленно ругая себя за столь неподобающее поведение. Леди не подслушивают. И уж точно не подглядывают, спрятавшись в кустах.

Кроме того, такие фантазии не доведут до добра.

Калли грустно вздохнула, безропотно приняв правду. Ей никогда не заполучить великолепного маркиза Ралстона или кого-то хотя бы похожего на него. Отчего-то она ощутила пронзительную уверенность в том, что все сказанное маркизом ранее было ложью неисправимого соблазнителя, которая помогла мужчине не только успокоить расстроенную девушку, но и устранить неожиданную помеху своему тайному свиданию с этой потрясающей красавицей. Он не верил в то, что говорил.

Нет, она не Кальпурния, императрица Рима. Она самая обычная Калли. И останется такой навсегда.

Глава 1

*Англия, Лондон
Апрель 1823 года*

Его разбудил короткий настойчивый стук. Сквозь сон он попытался определить источник разбудившего его шума, но в спальне снова воцарилась полная тишина.

Несколько секунд Гейбриел Сент-Джон, маркиз Ралстон, сквозь полуприкрытые веки лениво рассматривал ярко декорированную спальню, стены которой были украшены шелковыми гобеленами и вычурными позолоченными бордюрами.

Маркиз протянул руку и коснулся лежащей рядом роскошной женщины. Легкая улыбка заиграла на его губах, когда она прижалась к нему своим полным желанием обнаженным телом.

Он лежал, прикрыв глаза, кончиками пальцев лениво рисуя замысловатые узоры на обнаженном плече любовницы, в то время как изящная женская ручка призывно поглаживала его плоский живот.

Прикосновение женщины стало настойчивее, и он вознаградил ее низким рыком удовольствия.

И вновь раздался стук в тяжелую дубовую дверь — громкий и долгий.

— Какого черта!

Ралстон резко поднялся с постели, решительно настроенный нагнать страху на нежданного визите-

ра, осмелившегося разбудить его в такую рань. Набросив на плечи шелковый халат, он, громко чертыхаясь, распахнул дверь.

На пороге как ни в чем не бывало стоял его брат-близнец. Словно это было в порядке вещей — на рассвете заявиться к своему брату в дом его любовницы. Позади Николаса Сент-Джона суетился слуга и бессвязно лопотал:

— Милорд, я пытался остановить этого джентльмена...

От ледяного взгляда, брошенного Ралстоном, слова застряли в гортани дворецкого.

— Оставь нас.

Ник, насмешливо приподняв бровь, посмотрел вслед поспешно удалявшемуся лакею.

— Я и забыл, насколько обаятелен ты бываешь по утрам, Гейбриел.

— Черт побери, что заставило тебя притащиться сюда в такую рань?

— Сначала я отправился в Ралстон-Хаус, — сказал Ник. — Тебя там не оказалось, и я подумал, что скорее всего застану тебя здесь.

Поверх плеча брата он, усмехнувшись, посмотрел на женщину, сидевшую в центре огромной кровати, и приветственно кивнул:

— Настасия. Прошу простить за вторжение.

Греческая красавица неторопливо потянулась, как изнеженная кошечка, позволив простыне, которой она прикрывалась, соскользнуть и открыть одну соблазнительную грудь. Дразнящая улыбка заиграла на губах женщины, и, выдержав короткую паузу, она произнесла:

— Лорд Николас, уверяю вас, вы не причинили ни малейшего неудобства. Возможно, вы захотите присоединиться к нам... — Она многозначительно помолчала. — За завтраком?

Ник усмехнулся:

— Соблазнительное предложение.

Прервав их обмен двусмысленными репликами,

12 Ралстон проворчал:

— Ник, если тебе необходимо женское общество, уверен, мы найдем такое место, где ты не сможешь беспокоить меня во время отдыха.

Ник, прислонившись к дверному косяку, еще несколько секунд откровенно разглядывал Настасию, потом перевел взгляд на Ралстона.

— Так ты отдыхал, братец?

Гейбриел, неопределенно пожав плечами, подошел к умывальнику в углу комнаты и с фырканьем начал плескать холодную воду себе на лицо.

— В моем распоряжении пара секунд, чтобы объяснить свое появление здесь, прежде чем мне надоест твое общество, младший братец, и я вышвырну тебя отсюда.

— Занятно, что ты выбрал столь уместный оборот, — невозмутимо произнес Ник. — Мое появление в этом доме объясняется как раз фактом твоего старшинства.

Ралстон поднял голову и вопросительно посмотрел на брата, не обращая внимания на капли воды, стекавшие по его лицу.

— Понимаешь, Гейбриел, оказывается, у нас есть сестра.

— Сводная сестра.

Ралстон повторил эти слова ровным голосом, пристально глядя на своего поверенного, ожидая, когда этот человек в очках возьмет себя в руки и прояснит свое удивительное заявление. Маркиз в совершенстве владел тактикой устрашения, которой с успехом пользовался в игорных домах Лондона. Он был уверен, что с ее помощью быстро заставит этого маленького человечка говорить.

Он оказался прав.

— Я... дело в том, милорд...

Ралстон молча пересек кабинет и налил себе выпить.

— Вываливайте, любезный. Я не могу торчать тут целый день.

— Ваша матушка...

— Моя матушка, если это слово вообще применимо к тому безответственному созданию, которое выносило нас, сбежала на континент более двадцати пяти лет назад. — Он со скучающим видом покрутил в стакане янтарную жидкость. — С какой стати мы должны верить, что эта девица — наша сестра, а не какая-то шарлатанка, преследующая собственные цели?

— Ее отец был богатым венецианским купцом и оставил ей весь свой капитал. — Поверенный помолчал, поправил очки и осторожно взглянул на Ралстона. — Милорд, у него не было причин лгать дочери относительно ее рождения. Более того, похоже, что он предпочел бы вообще не ставить вас в известность о ее существовании.

— Так в чем же дело?

— У нее нет других родственников, хотя, по моим данным, некие друзья изъявили желание принять девушку в свою семью. Однако, как следует из документов, присланных в мою контору, такова воля вашей матушки. Она попросила, чтобы ее... — он замялся, — вашу сестру отправили сюда в случае смерти... ее мужа... мужа вашей матушки. Ваша матушка была уверена, что вы... — он прочистил горло, — поступите в соответствии с семейным долгом.

Улыбка Ралстона не предвещала ничего хорошего.

— Какая ирония, что именно матушка рассчитывала на наше чувство семейного долга, вы не находите?

Поверенный не стал притворяться, что ему непонятна эта реплика.

— В самом деле, милорд. Но если позволите, девушка уже здесь, и она очень мила. Честно говоря, я плохо представляю, что еще следует предпринять.

Он не сказал ничего больше, но подтекст был совершенно ясен: «Я не уверен, что следует оставлять ее на вашем попечении».

— Конечно, она должна остаться здесь, — наконец вмешался в разговор Ник. Поверенный с благодарностью, а брат с раздражением обернулись к нему. — Мы

возьмем ее к себе. Думаю, сейчас бедняжка все еще в состоянии шока.

— В самом деле, милорд, — с готовностью согласился поверенный, пытаясь поймать доброжелательный взгляд Ника.

— Я не думаю, что ты можешь принимать подобные решения в этом доме, брат, — протянул Ралстон, не отводя взгляда от поверенного.

— Я просто хочу прекратить мучения Уингейта, — ответил Ник, кивнув в сторону юриста. — И потом, неужели ты сможешь отвернуться от своей кровной родственницы?

Ник, конечно же, был прав: Гейбриел Сент-Джон, седьмой маркиз Ралстон, не смог бы отвернуться от своей сестры, хотя в глубине души и испытывал такое желание. Он пригладил свои черные волосы, удивляясь, что все еще испытывает раздражение при мысли о матушке, которую не видел много лет.

Ее выдали замуж очень рано — едва исполнилось шестнадцать, — и через год она родила близнецов. Десять лет спустя она уехала, сбежала на континент, оставив сыновей и их безутешного отца. По отношению к любой другой женщине Гейбриел испытывал бы сочувствие, понял бы ее страх и простил бы бегство, но он стал свидетелем печали своего отца и испытал боль, вызванную потерей матери. Затем печаль уступила место гневу, и прошли годы, прежде чем Гейбриел смог говорить о ней без гневного комка в горле.

А теперь, когда он узнал, что его мать разрушила еще одну семью, старая рана вновь открылась. Тот факт, что она родила еще одного ребенка — к тому же девочку! — и опять оставила малышку без матери, привел его в ярость. Конечно, его матушка была права: он сделает то, чего от него требует фамильный долг. Маркиз Ралстон сделает все, что в его силах, чтобы искупить родительские грехи. И возможно, это больше всего выводило его из себя — мать понимала его. Возможно, между ними существовала какая-то связь.

Он поставил стакан и снова уселся за широкий стол красного дерева.

— Где эта девушка, Уингейт?